

Детектив-драма
За закрытыми дверями

Тимур Темников

БЕЛАЯ
ПЫЛЬ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т32

Темников, Тимур Александрович.
Т32 Белая пыль / Тимур Темников. — Москва : Эксмо,
2023. — 320 с. — (Детектив-драма. За закрытыми
дверями).

ISBN 978-5-04-172919-6

Семён Варский по прозвищу Самсон, организатор благотворительной организации «Добро и Свет», был застрелен в одном из уральских городков. Убийцу не нашли.

Вдова Самсона Настя внезапно заболела диссоциативным расстройством, утратила способность отвечать за свои поступки и начисто забыла многие из них. Чтобы не усугубить и без того непростую ситуацию, Настя обращается к частным детективам с просьбой скрытно собирать сведения... о ней самой: что она делает, с кем встречается, кто за ней следит. Сыщики приступили к работе, и вскоре всплыл шокирующий факт: под прикрытием безобидного названия «Добро и Свет» в стране орудовала жестокая криминальная сеть.

Значит, Самсон — преступник, мафиози?

Сыщики еще не представляют, что их ждет. За Настей следят не только криминальные типы, но и странные люди из федеральной спецслужбы. Все они ищут какое-то секретное досье Самсона.

Вокруг — маски, игра, смертельно опасное представление, а поступки игроков не всегда поддаются объяснению. Но Насте предстоит узнать еще более жуткую тайну.

В которую невозможно поверить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172919-6

© Темников Т.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

От автора

Названия всех спецслужб в романе случайны. Все совпадения их участия в развитии сюжета вымышлены. Сюжет лишь частично основан на реальных событиях.

Глава 1

— **И**так, мы все собрались здесь, чтобы прикоснуться к себе. Не отвлекаться на жизнь. На заботы. На мысли и чувства. На ненависть к врагам и на любовь к родным. И все для того, чтобы понять истинную суть настоящего «Я» в иллюзорной реальности окружающего мира. Мы собираемся так четыре раза в сутки, потому что за сутки Земля четырежды подставляет свои стороны Солнцу. Позволяет обогреть всех на ней живущих. Осветить. Равномерно. Не обделяя никого и никому не давая больше, чем другим. Мы — дети этого Света. Когда настанет час, мы вольемся в этот Свет. Пронесемся через бесконечность пространства. Вместим в себя время. Станем вечностью. Выйдем за пределы слов и определений.

Семен, он же по некоторым документам Самуил, ходил по сцене площадки, которую построили за вчерашний день прямо в поле, в пригороде маленького провинциального города под названием Лысьва, что расположен в трехстах километрах от Перми на Западном Урале.

«Чертов интернет, — думал Семен. — Сейчас про кванты и волны, черные дыры и гравитацию

знает каждый травокур, сидящий на Яндекс.Дзене — русскоязычной части Всемирной паутины. Теперь мудростью древних религий мало кого убедишь. Каждый детсадовец разбирается в кварках». Семен уже не знал, как еще можно скомпоновать наборы слов, чтобы они производили впечатление на слушателей, толпы которых уменьшались с каждым годом. А теперь, по его мнению, превратились в кучку последователей, приезжавших на собрания больше покуролесить в снятом на неделю общежитии, чем проникнуться сутью самопознания.

Еще десять лет назад Семен собирал стадионы. А теперь жалкая сцена под палящим солнцем. Конечно, неплохо, что есть дом в Доминикане и парочка апартаментов там же, на побережье, да квартира в Москве. Какой-никакой, а доход. Для пенсии очень даже ничего. Но хотелось бы быть более уверенным в том, что старость будет безбедной. А с таким количеством «прихожан» и получаемых крох от их ежегодных доходов будущее представлялось унылым и безынтересным. Лежать под пальмой и есть банан. Это он мог себе позволить еще в юности, когда мама сказала ему наконец, что была не права и теперь Сема не должен бояться того, что он еврей. А шестью месяцами позже привезла его в Израиль.

Для тринадцатилетнего подростка такое стечение обстоятельств оказалось не то чтобы совсем неожиданным, а как бы абсолютно незапланированным. Мальчик Сема учился в советской школе. Он был влюблен в соседку по парте — девочку по имени Оля. У нее были пшеничного цвета волосы, пре-

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

зрительный взгляд и буква «г», выговариваемая ею с придыханием, как ее выговаривают в восточных регионах Украинской Советской Республики. Сеня носил пионерский галстук и считал: космополитизм — это плохо. Не совсем понимал, что это такое, но слышал от пионервожатых в летнем лагере, что точно — ничего хорошего. Тогда же вдруг пришлось кардинальным образом пересмотреть свои взгляды на жизнь. Ведь так сказала мама. А мама — это святое.

Именно в Израиле юный Семен в первый раз сменил имя на Самуил. Сразу вне конкурса был определен в кадетский корпус. Проходил только беседу с психологом на русском языке. Почему так легко? Во-первых, потому, что репатриант. Во-вторых, из неполной семьи — значит, претендует на полное государственное обеспечение, чтобы не создавать экономических проблем матери, ибо государство заботится о каждом. В-третьих, почему бы не так и не туда?

Сверстников Самуил любил несильно, особенно первый год, пока вникал в тонкости иврита. На второй год, когда распознал смысл гортанных оскорблений, направленных в свою спину по разным поводам, решил вопрос быстро. Дал по носу самому большому и противному товарищу в казарме. Тот расплакался от обиды и пообещал пожаловаться офицеру-воспитателю. Но очень быстро передумал вести себя так не по-мужски, сразу после короткого и быстрого удара в область печени. Дальше товарищ был подвергнут осмеянию со стороны еще вчера любивших его сверстников. А корона негласного

лидера военизированного общежития для подростков была передана Семену-Самуилу, со всеми вытекающими виртуальными почестями и щербатыми улыбками раболепия.

Тогда же он получил кличку Самсон, потому что все поняли — он человек сильный и уважаемый, а значит, и погоняло должно вмещать удалую мощь замаха. Юноша не возражал, даже больше — гордился. Потом служил на флоте. Как узнали его кличку — до сих пор загадка. Но имя Самсон, его третье по счету, закрепилось за ним потом во многих документах, удостоверяющих личность в разных странах, куда ступила его нога. Еще его так называли самые близкие люди. И так он предпочитал называть себя сам.

После армии Самсон вернулся к матери и спросил:

— Мама, я правильно помню, что ты хотела в Америку, или я опять все напутал?

Мама улыбнулась, кивнула и потрепала его ладонью по щеке. А сын сказал, что нашел невесту и намерен жениться. Невеста, между прочим, гражданка США. В общем, через пять лет мама тоже приехала в Штаты. Самсон к тому времени уже развелся. Но, несмотря ни на что, маленького внука от гражданки США и бывшей жены своего сына бабушка любила трепетно. С бывшей невесткой, кстати, тоже поддерживала хорошие отношения.

В Америке Сема прошвырнулся по друзьям и знакомым. Показал свое радушие и крупное телосложение. И опять почти вне конкурса был принят вышибалой в один из местных клубов. Вел себя всегда

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

спокойно, но бил тяжело. Оттого его уважали и быстро продвинули по карьерной лестнице до управляющего в одном из клубов Майами.

Все это Самсон вспоминал, когда бродил по сцене и, не веря самому себе, произносил слова, услышанные много лет назад по телевизору от далай-ламы, когда лежал в придорожном отеле и слушал шум падающей воды из душа, где мылась проститутка, подобранная за пятьдесят долларов на трассе в городке Киссимми, что находился в районе Диснейленда.

«Боже, как все было хорошо раньше», — думал Семен, стараясь держать микрофон ближе ко рту. В последнее время его голос ослабел. Наверное, возраст подкрался к точке невозврата.

— И нет теперь людей свободнее, чем мы. Ближе к сути, чем мы. Ближе, чем мы, к обнаженной реальности бытия. Потому что мы и есть — сама жизнь. Жизнь, которую мы проносим сквозь бесконечность. Творим ее. Созидаем. Разрушая все, что мешает ей. Что служит ей препятствием.

Дальше по плану обычно шли откровения от братьев и сестер. Потом восхваления поступков и принятие безгреховности. Затем поездка обратно в снятое общежитие. В нем, в зале для конференций, проводилась общая динамическая медитация с целью познания откровений духа и тела. Откровения поддерживались наготой прихожан и ознакомлением их не только с духом, но и материальными формами друг друга. А потом Самуил уезжал. Потому что устал от дальнейшего привычного развития событий.

Он приезжал в свой номер отеля, откуда мог через интернет поговорить часа два с любимой женой Настей, которая была моложе его на четверть века, и дочкой Нежей пяти лет от роду. Самсон сам ей дал такое имя. Настоял, хотя жена и возражала. Выстоял в ответах на ее вопросы. Символично отстоял для дочери новую жизнь, полную святости и целомудрия, скрывающихся в имени. Эти качества он стал ценить с возрастом все больше, но никогда бы уже не смог побывать ни в том, ни в другом качестве, по «Закону первого шага». Самсон сам вывел такой закон, сам начертал каждую букву каждого слова своей кровью, своим потом, а затем кровью и потом других. Закон этот говорил, что, переступив границу от добра к злу хотя бы единожды и пусть даже на полдыхания, человек никогда уже не останется верен доброму, ибо познает его несовершенство.

В свое время Семен сделал парадоксальный вывод из своего же умозаключения. Он решил, что границы между плохим и хорошим нужно стереть, размыть, сделать переход плавным. Нет, не затынутым, просто красивым, в пастельных тонах. Никто не заметит трудности перехода, но все полюбуются красотой состояния. Не нужно отпускать людям грехи за деньги, после того как они их, эти грехи, совершили. Нужно освободить их от грехов заранее, тогда люди станут счастливыми и благодарными. Пожизненно. Особенно если заполнить на них компромат. Ведь уголовный кодекс, акт гражданского законодательства и общественное мнение имеют еще какое-то влияние в этом мире, несмотря на величие вселенского разума, которому что чер-

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

ное, что белое — всего лишь длина волны в электромагнитном поле.

Поднявшись на лифте на верхний этаж здания, где находилась единственная на всей площадке квартира, арендованная специально для мэтра, лучшая в этом богом забытом городе, Семен прошагал к широкой металлической двери, похожей на банковскую дверь в комнату депозитарных ячеек — толстую, мощную, бронированную. Достал ключ, но вставить его в замочную скважину не успел.

Кто-то уже стоял на лестничной площадке и ждал, когда Семен появится. Потом направил дуло пистолета крупного калибра и с глушителем аккуратно в затылок с длинными прилизанными седыми волосами. Выстрелил, и грузное тело проповедника упало на пол, освободившись от половины черепной коробки и содержимого головы, которое разлетелось брызгами по стенам и местами повисло на потолке розовыми кусочками, похожими на попкорн в варенье из малины.

Пистолет был аккуратно уложен на бетонный пол. Убийца нажал на кнопку звонка. Неспешно развернулся и спустился вниз по лестнице. Спокойно и уверенно.

...Жена Настя узнала об убийстве мужа через два часа. Во всех подробностях, которые изложил ей его помощник Иван. Она понимала, с кем жила. Когда раздался ночной звонок и голос Ивана, друга и правой руки ее Самсона, попросил ее мужаться, Настя сразу поняла, в чем дело. Коснулась пальцами золотого магеновида на шее, который не снимала, даже ложась в постель. Она не плакала,

ее лицо отражало внутреннюю сосредоточенность и напряжение.

Дорога в аэропорт. Полет. Формальности.

Через четыре часа Настя была в Перми. На улице Фонтанной, где в краевом судебном морге в ожидании опознания находилось тело ее мужа. Там, где должна находиться голова, лежала плотная, пропитанная кровью белая ткань. Настя увидела татуировку в виде знака бесконечности на левом плече. В окружностях петли Мебиуса были буквы «S», что означало «Samson», и «A» — первая буква ее полного имени.

Самсон и Настя набили одинаковые татуировки еще до замужества. В Израиле, куда уехали тринадцать лет назад, когда Настя помогла будущему мужу сбежать из панамской тюрьмы. Там же, в Израиле, она прошла гиюр и приняла иудаизм. Для Самсона это было важно. Мама в Америке хотела в невестки только еврейку.

Причина смерти была очевидна. Труп отдали на следующий день после проведения судебно-медицинской экспертизы. Мама покойного почил в бозе несколько лет назад. После ее похорон Самсон задумался о своих. Он не был набожным евреем. Относил себя к сочувствующим. Потому решил презреть некоторые религиозные запреты и попросил жену кремировать его, если что. Не хотел доставлять Насте много хлопот: заморачивать выбором гроба, поиском места на кладбище, организацией всего действия, связанного с похоронами. Самсон был эклектиком в плане религиозных установок, прочитав однажды в Новом Завете фразу

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

«Пусть мертвые хоронят своих мертвецов», решил, что должно быть так.

Но повозиться все равно пришлось. В неформальной столице Западного Урала не было своего крематория. Потому покойных из Перми, пожелавших стать пеплом после избавления от бремени бытия, предавали огню в двух близлежащих городах: Нижнем Тагиле и Екатеринбурге. Учитывая особенности рода деятельности Самсона, его помощник Иван приложил все усилия, чтобы информация о смерти друга и наставника не просочилась к прихожанам раньше времени. Но всесильная четвертая власть пронырлива, дотошна и падка на горячее. Как ни старались Настя с Иваном скрыть факт ухода из жизни основателя и бессменного лидера общества «Добро и Свет», они не избежали толпы последователей, узнавших новость из желтой прессы. Полтора человека со всей страны пришли проститься с духовным наставником на Зоологическую улицу к мрачному зданию похоронных услуг, в котором, собственно, и происходило прощание с жертвой ужасно кровавого, но в то же время быстрого и безболезненного убийства.

Люди пришли мирно. Почему-то только мужчины. Все стояли в зале прощаний, потупив взгляд. Ни один не проронил и слова. После того как гроб с телом уехал в печь, люди развернулись и так же молча направились к выходу.

Настя и Иван прошли в комнату ожидания. Им обещали выдать прах через два с половиной часа. Хотя на сжигание даже тела большого объема уходило не больше двух часов, обычно прах выдавали

по истечении трех-пяти дней. Но иногда просьбы, подкрепленные денежными «аргументами», выполнялись, и родственникам выдавали урны с углеродистыми останками покойного. Главное — иметь справку о месте захоронения. Муж Насти позаботился об этом много лет назад. Он купил себе липовую бумагу о том, что владелец места на Хованском кладбище не возражает против захоронения урны с прахом Самсона на своем участке. Что это за человек, история умалчивала. Но место было настоящим.

Пока Настя и Иван, сидя за журнальным столиком, пили кофе и безучастно разглядывали рекламу на глянце полиграфических изданий, к ним подошел человек в сером френче. Мужчина был высокого роста. Аккуратно стриженный. С красиво очерченной бородой на вытянутом и скуластом лице. Он остановился перед Настей. Наклонился и заглянул ей в глаза.

Женщина поежилась на сиденье деревянного кресла. Правой рукой, незаметно для себя, оперлась на подлокотник и сжала пальцы, обхватив его будто ручку газа на мотоцикле.

— Вы Анастасия Варская? — спросил мужчина.

Настя бросила взгляд на Ивана, который продолжал прихлебывать кофе и словно не видел происходящего. Незнакомец тоже как будто не замечал товарища Насти.

— Вы вдова Семена Варского? — снова спросил мужчина, продолжая стоять в полусогнутой позе.

Настя повернула к нему голову. Посмотрела в насыщено-карие радужки. И неуверенно кивнула.

— Да, — прошептала она, — вы что-то хотели?

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

Настя опасалась, что ее начнут преследовать люди «Добра и Света». Как только глава секты умирает, последователи превращаются в борцов с инакомыслием. Часто их жертвами становятся люди, близкие к основателю, — родственники, друзья. То ли из чувства ревности со стороны фанатичных последователей, то ли из-за чувства обманутости и связанного с ним отчаяния. Об этом Настя читала, когда чуть больше десяти лет назад Самсон принес ей дурацкую идею, как восстановить утраченное состояние и заработать еще. Настя осуществлению идеи особо не противилась, поскольку знала, что если ее суженый чего решил, то сделает обязательно, и посоветовался с нею только для того, чтобы поставить перед фактом. Так что приняла как неизбежное. А дальше стала вникать в юридические стороны вопроса, для того чтобы помочь своему супругу в его начинаниях. Для нее как для лингвиста такое было непросто, но за годы она научилась как юридическим основам воплощения сумасшедших идей своего мужа, так и бухгалтерским заковыкам их экономической оптимизации.

— Меня зовут Измаил, — сказал мужчина. — Я был помощником вашего мужа на Западном Урале.

Настя вновь посмотрела на Ивана. Тот рассматривал содержимое журнала «Эсквайр» и, казалось, совсем погрузился в медитацию над картинками швейцарских часов. Складывалось ощущение, что до нирваны ему оставалось каких-нибудь три цуны.

Настя откашлялась. Иван перевел на нее затуманенный взгляд, потом посмотрел на склонившуюся фигуру гостя. Медленно опустил и снова поднял

веки, давая понять женщине, что их внезапный нарушитель спокойствия говорит правду.

— Я пришел выразить вам свои соболезнования, — пробасил Измаил и протянул открытую ладонь женщине.

Та робко подала руку в ответ и почувствовала теплое прикосновение. Измаил придержал на мгновение кисть Насти, и его большой палец едва погладил круговым движением тыльную ее сторону.

Настя почувствовала, как по спине пробежал холодок. Что-то страшное было в этом жесте и в то же время возбуждающее. Она поймала себя на такой мысли и словно отмахнулась от нее заметным движением головы. Не удержалась. Она не понимала, почему ощутила такое странное переживание в ожидании праха своего супруга. Знала, что так неправильно. Долго смотрела мужчине вслед, когда он твердым шагом уходил по коридору.

Обратно Настя и Иван ехали на автомобиле. В пассажирской части самолета нельзя провозить урну с прахом в ручной клади, но в багажном отделении можно. Нужно собрать документы. Несложно, в принципе, но справку из санэпидемстанции о герметичности и безопасности урны раньше понедельника не выдавали, а кремация была в пятницу.

Иван с Самсоном часто колесили по стране на черном «Гелендвагене». В этот раз, как нельзя кстати, они тоже пользовались автомобилем в поездке по Уральскому региону. Потому теперь Настя ехала на заднем сиденье, отделанном мягкой кожей, а урна с прахом ее мужа подпрыгивала в багажнике внедорожника.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

Женщина лежала на сиденье, поджав ноги. Она смотрела, как под креслом водителя катается бутылка с питьевой водой, бог весть когда туда попавшая. Настя следила глазами за перекатывающейся справа налево синей крышкой и думала, что похожа на эту бутылку — такая же потерянная. Она пыталась вздремнуть. Закрывала глаза, но веки ее невольно поднимались, и взгляд снова фиксировал синее круглое пятно, перемещающееся между направляющими сиденья напротив, словно пиксели мячика в старой досовской компьютерной игре «Теннис».

— Почему Измаил подошел к нам? — спросила она Ивана.

Тот быстро обернулся. Бросил на нее настороженный взгляд.

— Я думал, ты спишь. Тебе бы совсем не помешало. А длинная дорога — лучший помощник для того, чтобы отдохнуть. Если ты не за рулем, конечно.

Оба молчали с минуту. Потом Иван спросил:

— Ты же не повезешь прах в Израиль? Это глупо. Самсон хоть и гражданин Израиля, но сам факт кремации может не понравиться властям. Они там до сих пор ведут споры о недопустимости сжигания тела иудея после смерти. Да и ему, кажется, все равно было, где его захоронят. Просто я сейчас думаю, что, куда бы мы его останки ни спрятали в России, народ пронюхает и устроит там мавзолей.

Настя сделала вид, что не услышала.

— Иван, ты не ответил мне про Измаила, — спокойно напомнила она.

Ее собеседник, в свою очередь, сделал вид, что не слышит.

— Знаешь, однажды Самсон узнал про Кастанеду, в смысле про его смерть, точнее, про его похороны — была версия, что три последовательницы с его прахом предположительно прыгнули со скалы в калифорнийской Долине Смерти, — пояснил Иван. — Так вот, твой муж сказал, что тоже бы так хотел. Но женщины обязательно должны быть голыми, с большими сиськами и крутыми бедрами. — Иван внезапно заржал на всю машину и так же резко прекратил смеяться. — Правда, тогда Самсон был накачанный текилой, а может, и еще чем пожестче, — добавил он.

Все так же лежа на кожаном сиденье и наблюдая за пластиковой бутылкой, Настя вздохнула. Она знала про своего мужа все: и про свет, и про долбrotу, и про баб, и про то, как он любил деньги. Поначалу ее поражало, как в одном человеке могли совмещаться жуткая непристойность, низменные влечения, постоянная страсть к нарушению закона и в то же время неподдельная, искренняя любовь к семье, трепетное отношение к своей матери, преданность своим друзьям и близким. Возможно, сам факт такой жуткой смеси его черт, абсолютно противоречащих друг другу, невероятно притягивал ее к нему. Столько противоположностей в одном человеке удивляли, поражали, обезоруживали. В первые годы их знакомства она даже предполагала наличие у мужа расстройств множественной личности. Но знакомый психиатр сказал ей, что это вряд ли, потому что Самсон всегда имел полный набор своих ипостасей и использовал их одновременно, не забывая ни про одну. При множественной же личности

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

каждая личность почти всегда не знает о наличии соседних.

— И все-таки, что не так с Измаилом? — настаивала Настя.

Она чувствовала: Иван пытается увести ее от вопроса. Не хочет отвечать. Значит, дело нечистое. Настя хорошо понимала, что все светопреставление с психолого-эзотерическим обществом ее покойного мужа не более чем прикрытие чего-то более важного. Скорее, незаконного и сильно криминального.

Иван же за многие годы знакомства с Настей осознавал, что та далеко не дура. Он знал: такой человек, как Самсон, не стал бы подпускать к себе женщину глупую, а тем более делать ее своей женой и матерью собственного ребенка. Потому к Насте Иван всегда испытывал смешанные чувства: слегка побаивался, слегка восхищался, очень уважал, а иногда даже позволял себе представить, как спит с этой женщиной. Часто такое случалось с похмелья, когда он просыпался один на широкой кровати после бурной ночи веселья, проведенной в компании Самсона, еще парочки нужных людей и нескольких женщин, доступных за вознаграждение.

— Измаил? — вздохнул Иван. — Ну, он же тебе сказал. Правая рука твоего Самсона по Западному Уралу.

— Я думала, ты его правая рука, — медленно сказала Настя, сделав акцент на местоимении и подчеркнув интонацией два последних слова.

Женщина знала, как выудить информацию, спровоцировать на эмоции и воспользоваться положением. Таких, как Иван, она видела насквозь.

Амбициозных, но недалеких, способных, но не самостоятельных. Иван смотрел в рот ее мужа с придыханием и выполнял все поручения. Но не потому, что верил в экзистенциальные сентенции своего босса, а потому, что получал хорошие деньги. Настя знала: Иван хотел стать таким же, как ее Самсон, но всегда понимал, что не сможет. Он был на своем месте. Нет, не вторым человеком, но помощником первого. А зачастую такая роль имела больший вес, правда, при живом лидере. Теперь у Ивана оказалось два пути: оставаться с ней или раствориться в неизвестности со всеми вытекающими последствиями. Так считала Настя.

— Я был его правой рукой в принципе, а Измаил только на отдельной части пространства. — То ли решил пошутить, то ли попытался оправдаться Иван.

Настя кивала своим мыслям, упершись затылком в кожаное сиденье.

— Я правильно понимаю, что ты с Измаилом не в очень хороших отношениях? — спросила она и увидела, как ее приятель набрал полную грудь воздуха, а потом шумно и медленно выдохнул, раздувая щеки.

— Теперь он займет место Самсона. Это было решение твоего мужа, — подытожил Иван.

Настя удивилась, услышав такой ответ. Она не задумывалась раньше над тем, как продолжит существование «предприятие», созданное ее супругом, в случае его смерти. Теперь была слегка обескуражена известием. «А кем теперь будет она?» — прокрался в ее голову коварный вопрос.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

— По устному распоряжению тебе и Неже будут выделяться средства. Пожизненно, — продолжал говорить Иван, словно прочитав ее мысли. — По крайней мере, такой был договор.

Настя слушала сосредоточенно.

— Но устный договор — это почти что прозрачный воздух на ладони. Он как бы есть, но когда попытаешься за него ухватиться и сожмешь кулак, он тут же исчезнет. Понимаешь, о чем я? — Мужчина обернулся и посмотрел на Настю. — Они не захотят вас содержать. Зачем им это нужно? И вообще, зачем ты им нужна? Они не в курсе, сколько и чего ты знаешь.

Женщина медленно кивнула, глядя в глаза Ивану, что отражались в зеркале заднего вида.

— Ты думаешь, для меня это опасно? — спросила она.

— Я уверен.

Глава 2

Егор Ильич хоть и стал в их с Сергеем тандеме полноправным членом сыска, но не забывал следить за домом. Конечно, больше не прибирался в комнатах да и за газоном не ухаживал, потому что на такие цели парочка решила скинуться и нанять специально обученного человека. Но иногда заезжал в магазины по обустройству быта приобрести что-нибудь приятное для загородного владения своего партнера, которое не покидал последние десятилетия и считал его если не своим, то точно не чужим. На этот раз он решил услышать просьбу садовника и купить для освещения дорожек несколько фонарей, подзажавшихся от солнца.

Он долго разговаривал с консультантом. Выбирал люмены, размышлял над необходимостью датчиков движения и степенью защиты самих приборов. Наконец, остановившись на оптимальном варианте по цене и остальным условиям, он сложил коробки с фонарями в тележку и неспешно направился к кассе, напевая под нос хабанеру из оперы «Кармен» Жоржа Бизе. Он не подозревал, что издаваемые им звуки называются именно так, а просто мычал что-то приятное про любовь, услышан-

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

ное ранее и всплывшее в сиюминутном воспоминании.

Егор Ильич подобрался к кассам самообслуживания и, вооружившись сканером, стал расстреливать лазерными лучами штрихкоды на коробках. Внешне он проделывал это с серьезным видом солидного пожилого человека. Но в глубине себя, там, куда ничей взгляд добраться не мог, Егор Ильич издавал звуки «пиу-пиу» при каждом нажатии на кнопку считывающего устройства, а в его памяти отражались обрывки воспоминаний из собственного детства.

Когда с коробками было покончено и помощник детектива направился на стоянку к «Патриоту», купленному взамен старой «Нивы», к нему подошел мужчина лет тридцати пяти. Малоприметный. С лицом, каких тысячи. В толпе ничем не примечательный. Биомасса. Улыбаясь, он посмотрел старику прямо в глаза.

— Здравствуйте, — сказал он, протянув правую руку в приветствии, — я Алексей.

Егор Ильич остановился и внимательно посмотрел на незнакомца.

— Допустим, — ответил помощник детектива, не торопясь рассыпаться в любезностях и подозрительно наблюдая за событиями.

Алексей продолжал держать ладонь в ожидании рукопожатия.

— Вы Егор Ильич, я правильно понимаю? — спросил он, не стирая улыбку с губ, отчего она стала неестественной.

— Положим, да, это мое имя, — осторожно ответил он.

— Я хотел бы вас попросить, Егор Ильич, пройти со мной в машину для очень короткого, но абсолютно конфиденциального разговора. Буквально на пару минут, — пояснил незнакомец, опустил наконец правую руку, а левой показал удостоверение сотрудника федеральной службы охраны. — Вы же не будете возражать?

Помощник детектива в легкой растерянности пожал плечами:

— Тут возражать, думаю, бесполезно. Вы же все равно не слезете. Вам проще дать, чем рассказывать про головную боль.

Алексей самодовольно хмыкнул:

— Это правда, Егор Ильич. Тут я с вами согласен на все сто. А за тележку не беспокойтесь. Оставьте прямо здесь, ее никто не возьмет, уверяю. Вы сами скоро вернетесь и продолжите то, чем занимались.

Мужчина указал рукой в направлении микроавтобуса «Фольксваген-Калифорния» черного цвета, с тонированными стеклами, стоявшего в противоположном ряду, на несколько машино-мест дальше, чем автомобиль Егора Ильича.

Помощник детектива кивнул. Машинально сцепил руки за спиной и широким шагом делового человека направился к указанному авто.

В автомобиле, помимо водителя, был еще один странный тип. Егор Ильич не мог толком рассмотреть его лица. Мужчина смотрел в окно слева от себя, повернув голову в сторону. Он даже не пошевелился, когда помощник детектива, крихтя, взобрался в салон и поздоровался.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

— Не обращайтесь внимания, — сказал Алексей, усаживаясь в кресло напротив, — он немногословен. — Сотрудник федеральной службы охраны показал рукой в сторону молчаливого наблюдателя у окна.

— Понятно, — смиренно ответил Егор Ильич. — Так что за дело-то у вас? Может, расскажете? И почему это меня вдруг касается. Если что по нашей с Сергеем работе, так пришли бы сразу к обоим. Адрес ведь вам говорить не надо. Да и приглашения — не самая важная для вашей братии вещь. Так ведь?

Алексей вздохнул.

— Вы не волнуйтесь, Егор Ильич. Все хорошо. Просто нам удобнее решить с вами вопрос отдельно, без вашего молодого друга. Зная его, мы уверены, что Сергей начнет проявлять ненужную активность. А она только помешает одному делу государственной важности, в котором вам обоим придется участвовать.

Егор Ильич залез в карман и достал бумажный платок, вытер им губы, скомкал и положил обратно. Движения его были размеренными, где-то даже нарочито затянутыми. Он словно отодвигал время обсуждения самого вопроса, словно предчувствовал что-то нехорошее.

— Ладно, давайте перейдем к сути, — наконец сказал он.

Старик заметил, как губы Алексея вздрогнули от легкой усмешки. Он поерзал на сиденье и поморщился.

— Давайте, выкладывайте уже, — сердито произнес он. — Не люблю я с вашим братом засижи-

ваться. Хорошо, конечно, что вы есть. Но лучше, если где-то далеко.

Алексей кивнул:

— Понимаю. А вы рассказали вашему напарнику, что у вас с нашим братом, как вы сказали, были в свое время тесные взаимоотношения? Или утаили? Не хотели огорчать? — Алексей уже не скрывал ехидной улыбки.

Егор Ильич нахмурил брови и цокнул языком.

— Не сказал. Дело прошлое, к сегодняшнему не относится.

— Опять понимаю, — закивал собеседник, — но для нас прошлых дел не бывает. Вы ему рассказали, как мы использовали вашу подругу, чтобы не пустить на рынок французов? И вы нам очень помогли в этом, не так ли?

Егор Ильич потер ладони. Посмотрел на второго человека в салоне микроавтобуса. Поморщился.

— Так ведь пустили же, — резко ответил он фэ-сзошнику.

— Пустили, — подтвердил тот. — Но на наших условиях. А Анна при этом, ваша покойная подруга, понесла только убытки. И все благодаря вашему содействию, Егор Ильич.

Старик недовольно всплеснул руками и выпалил:

— Зато жива осталась! Если бы не я, вы бы ей устроили что-нибудь. Отказ тормозов или выезд на встречу. У вас же все просто. Проблема есть, пока человек жив. А если он мертв, то и проблема рассосалась. Так ведь? — Егор Ильич замолчал на пару секунд, раздосадованный, что не сдержался. — Я ее

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

от вас спас, можно сказать. А деньги она себе еще заработала, — махнул рукой старик.

Алексей вздохнул. Покрутил головой. Суставы его шейных позвонков захрустели.

— Не вы спасли, — заговорил он. — А мы дали возможность вам это сделать.

— Да что вы заладили?! — снова возмутился Егор Ильич. — «Мы», «вы»! Не надо мне это рассказывать. Я знаю все. Лучше вашего, думаю. — Он с брезгливостью осмотрел человека, сидевшего напротив. — Вы тогда еще, наверное, в институте вашем, или как он там назывался, штаны просиживали и борщ государственный лопали. Рассказываете мне сейчас, как много сделали для Родины.

— Да что ж вы шумите-то, Егор Ильич? — мирно улыбаясь, спокойно спросил Алексей. — Я, конечно, в вашей истории не участвовал в силу, как вы правильно подметили, возраста. Но у нас ведь все записано. А что написано пером, сами знаете, остается на века под грифом «секретно». Тут важно доступ к материалам иметь. Я имею. — Алексей усмехнулся. — Читать люблю, опять же.

— Ну и что вы там вычитали? Чем меня напугаете? — Егор Ильич сцепил ладони в замок.

Алексей пожал плечами:

— Да ничем, собственно. Ну, разве только ваш напарник случайно узнает, что вы нечестный человек и друзей можете кинуть. Из убедительных источников информацию получит. Тогда вашим теплым взаимоотношениям придет конец. Ваш Сергей переживет, конечно, он парень самодостаточный. А вас ждет одинокая старость и квартира в городе Видном.

Однушка, если я не ошибаюсь. Вам же больше не надо, правда?

Егор Ильич скривился и снисходительно спросил:

— Что, там все так под вашим грифом «секретно» и написано?

Алексей, улыбаясь, закатил глаза.

— Ну не то чтобы прямо так. Но мы-то с вами знаем, Егор Ильич, из одного и того же сюжета можно извлечь совершенно разные смыслы. Ведь главное что? Главное — правильно расставить акценты. Что-то подчеркнуть, о чем-то умолчать. Где-то приукрасить, а где-то намеренно нивелировать. Так ведь можно и из любовной переписки сделать грязный донос. И наоборот, из отвратительного пасквиля — хвалебную оду. Ты же знаешь, Ильич, — фамильярно завершил свою тираду гэбист.

Егор Ильич равнодушно посмотрел по сторонам. Он понимал, что эти люди добьются своего и всякое сопротивление ничем хорошим не закончится ни для него, ни для Сергея.

— Короче, главнокомандующий, говори, что хочешь, — выдохнул он. — Вижу, отцы-командиры тебя научили, как поступать со старшими и работанными.

Алексей не скрывал удовлетворения от содеянного. Лето. Жара. И никого не пришлось сильно уламывать, призывая в помощь негуманные методы воздействия. Он наклонился вперед к Егору Ильичу и стал тихо рассказывать:

— Я сейчас покажу вам фотографию одного интересного человека, который придет к Сергею в качестве клиента. Ваша задача передавать нам все,

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

что тот попросит, кого закажет и что ваш друг будет делать, когда вы примете заказ. От вас нам нужна информация — кого, когда и зачем. Дословно, понятно? — спросил Алексей, ожидая положительной обратной связи.

— Дословно — да. Но зачем? — спросил помощник сыщика, понимая, что ответа не получит.

— Просто — надо. Вы не задумывайтесь, Егор Ильич. Задание простое донельзя. Просто передавайте нам вводные и последующие за ним действия. Кого куда направить, мы сами решим. А вы нам в этом поможете. Вы умеете. Мы знаем. Так будет удобно и для вас, и для нас. Остальное в архивах быльем порастет. Будьте уверены.

Егор Ильич с равнодушным видом закивал. Он понимал, что любой его поступок снова будет записан в «анналы истории» и, как бы он ни продолжал жить, эти ребята его разыщут, когда возникнет необходимость, используют и ни разу не задумаются над его самочувствием, даже если пять пуль внутри его легких будут мешать сделать последний выдох перед смертью.

— Показывайте, молодой человек, — лениво произнес он, не забыв сделать вид, что ему все равно и он готов на любые поступки, лишь бы не разрушить иллюзии своего друга по поводу бытия и всего, что с ним связано.

— Вот и хорошо. — Алексей достал из кармана сотовый телефон. Потыкал в него большим пальцем, удерживая на широкой ладони и, протянув к лицу старика, сказал: — Вот этот человек, Егор Ильич, представляет угрозу национальной безопасности. Он или его люди вскоре выйдут на связь с вашим агент-

ством и предложат крупный гонорар за определенную работу. Гонорар ваш. В смысле Сергея, а вам зарплата от его имени, — поправился гэбист. — Ваш босс может забрать деньги на свою компанию. Но ваша задача — передавать нам сведения о происходящем. Особенно в критических ситуациях. Мы же люди честные. Вы должны помнить. Вас никто не обделил, и пенсию выплачивают регулярно. Так что задержитесь на светлой стороне. В сумрак уйти всегда успеете. Я ясно излагаю? — спросил Алексей тоном, не предполагающим возражений.

— Да все ясно, — ответил Егор Ильич, понимая, что повязан прошлым. — Фотографию можно повнимательнее рассмотреть?

Заполучив телефон с картинкой, он стал с пристрастием рассматривать лицо незнакомца. «Мало ли еще для чего пригодится», — думал Егор Ильич.

Вытянутое лицо. Подчеркнутые скулы. Аккуратная коротко стриженная борода. Карие глаза. Интеллигентное, красивое лицо мужчины лет сорока.

— Его имя Измаил. Он придет к вам и даст задание. Мы должны будем узнать от вас все, что он хочет, и все, что он знает.

Егор Ильич с удивлением посмотрел на сотрудника государственных органов.

— А сами что? Можно подумать, у вас кадров не хватает?

Человек, который сидел у окна и лицо которого не смог рассмотреть Егор Ильич, в этот момент повернулся и заговорил:

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

— С кадрами у нас все в порядке. Как и прежде. Измаил большой человек. Тертый калач, поэтому мы не хотим его пугать своим присутствием. А хотим выйти на людей, с которыми он взаимодействует. Как только выполните свою часть работы, мы вас оставим в покое до поры до времени.

Глаза Егора Ильича загорелись. Он узнал голос. Тот изменился за прошедшие годы. Но не сильно. Стал чуть ниже, однако сохранил свой характерный тембр.

— Товарищ майор, — то ли радостно, то ли удивленно протянул Егор Ильич. — Вы ли это? Вижу — вы, — ответил он на собственный вопрос и прищурился, слегка улыбнувшись. — Молодому поколению дела передаете, товарищ Глазов?

Человек у окна ухмыльнулся.

— Полковник, Егор Ильич. Полковник.

— Время летит, да? — закивал Егор Ильич. — Смотрю, вы седой уж совсем. Постарели.

— Вы тоже не молодеете, — спокойно ответил человек у окна. — В общем, вы теперь знакомы с Алексеем. Он вас найдет по вашему телефону. Будьте готовы.

Егор Ильич нехотя кивнул.

— А скажите мне, Глазов, — спросил он неожиданно даже для самого себя. — Вы тогда хорошо поимели со сделки?

Полковник цокнул языком. Медленно подался вперед и жестом попросил Егора Ильича наклониться.

— Вы невозможный старик, — сказал он спокойно. — Вы тогда тоже могли бы поиметь, но

строили из себя благородного. — Мужчина вздохнул. — Вам же предлагали.

— А я друзей не продаю, — так же тихо ответил ему Егор Ильич.

— Угу, — подтвердил полковник. — Вы их даром отдаете. Но это ваши личные убеждения. Ваше право и ваше видение мира. Я ведь деньги не себе забрал, а дальше по инстанциям отправил. Мне тогда не положено было к тем деньгам отношения иметь. Были люди поважнее. Но теперь-то что об этом говорить. Все же хорошо вышло. Все живы-здоровы остались. Вы нам помогли, мы — вам.

— Это как это? — недопонял Егор Ильич.

— Да так, кто бы стал с вашей Анной связываться, когда она за вас вписалась с долгами? Никто, уверяю вас. Мы помогли. Косвенно.

— М-м-м, — протянул Егор Ильич. — Вон оно что. Значит, это я вам теперь по гроб жизни обязан?

— Ну... не совсем так. — Полковник пожал плечами. — Но мы, уверяю, в долгу перед вами не остались. Вы, Егор Ильич, воспринимаете все в черно-белых цветах. У вас есть плохие и хорошие. Других не бывает. Не все так однозначно, поверьте.

Старик внимательно смотрел в глаза полковнику.

— А теперь идите, — сказал тот, кивнув в сторону дверей. — Вас уже фонари с тележкой заждались.

Егор Ильич неспешно оторвался от кресла и, согнувшись, открыл тяжелую дверь микроавтобуса.

— Бронированные, что ль? — пробурчал он.

Встав на асфальт парковки, он снова повернулся к людям, сидевшим в автобусе. Полковник опять

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

смотрел в окно. Алексей же с равнодушным выражением лица продолжал наблюдать за стариком.

— Я вот еще спросить хочу, Глазов, — сказал он в салон.

Полковник медленно повернул голову и посмотрел на старика сверху вниз.

— Вы знали, что у Анны был сын? — продолжил Егор Ильич.

Глазов повел плечом. То ли подтверждая, то ли опровергая догадку.

— Ну вы же не могли не знать. Вы же — всевидящее око. А он же был убийцей. Почему вы его не остановили?

— Егор Ильич, — начал полковник, — мне приятно, что вы о нас такого хорошего мнения, но о его преступлениях я узнал только из оперативных сводок. К сожалению, мы не всеильны, а преступники умны. Да и ваш коллега сам неплохо справился. Так ведь?

— Не верю я вам, — выпалил Егор Ильич.

— Это ваше право, — ответил полковник и повернулся к Алексею. — Закрывайте. Поехали, — отдал он команду.

Тяжелая дверь захлопнулась. Микроавтобус неспешно вырулил на дорогу и направился в сторону выезда. Егор Ильич посмотрел ему вслед, перевел взгляд на небо, потом, словно вспомнив, щелкнул пальцами и направился к своей тележке, которая стояла прислоненная к двери багажника его УАЗа «Патриот».

Когда он уже сел в автомобиль, зазвонил сотовый телефон. Егор Ильич нажал кнопку и вывел входящий на громкую связь.

— Где вы, мой дорогой коллега? — услышался голос Сергея. — Вы уже четыре часа где-то шляетесь, а у нас тут в бухгалтерии конь не валялся.

Напарники продолжали обращаться друг к другу на «вы», несмотря на пару лет совместной работы. Со стороны Сергея были попытки внести в их отношения больше раскованности, но успехом они не увенчались. Егор Ильич упорно продолжал «выкать», и сыщику ничего не оставалось, как следовать его правилам.

— Сережа, там дел на полтора часа. Я же вас в этом плане никогда не подводил. — Егор Ильич нахмурился.

— Да ладно вам, — весело сказал Сергей. — Это я так, завязать разговор. Я уже соскучился по вам. Утром съездил, передал заказчику последние документы. Сейчас вот звонили новые. На вечер записались на шестнадцать часов. В офис приедут. Вы успеете? Вы далеко вообще? Вы мне нужны. Там опять какая-то мутная история. По телефону, естественно, никто никому ничего не говорит. А я без вас как без рук, вы же знаете. Напарник.

— Да знаю, Сережа. Знаю, скоро буду. Часа через два.

— Хорошо, — ответил Сергей, — я тут пока выскочу на встречу, в ресторан. По личному делу.

Егор Ильич слышал по голосу, что настроение у его босса приподнятое. Подумал, тот наверняка помирился со своей Светой. Их страсти бурлили, ссоры сменялись примирениями и обратно. Но сейчас, видимо, все было хорошо.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

Если Сергей узнает правду о том, как старик в свое время нечестно повел себя со своей бывшей подругой и начальницей, — это будет для него ударом ниже пояса. В уши ему напоят такое, от чего Егору Ильичу отвертеться не получится. Сколь сильно он бы ни попытался. Есть факт, и не важно, что он действовал для ее же блага. Благие намерения никого не интересуют, если они основаны на корысти. А поначалу так ведь и было.

Помощник детектива твердо решил рассказать Сергею эту часть истории. Но понимал, что это следовало сделать раньше, а теперь уж ждать, когда все уляжется. А значит, сливать информацию на своего товарища и на совместную работу. Объясняться же с Сергеем нужно в процессе работы, постепенно. После завершения дела, каким бы оно ни было, оправдываться станет поздно.

Егор Ильич с сожалением подумал, что это их совместное с Сергеем дело может оказаться последним. А он уже успел полюбить своего молодого начальника. Не то чтобы как сына, старик не имел такого опыта. Да и Сергей был моложе всего на семнадцать лет. Не очень-то в сыновья годился. Но Егору Ильичу хотелось о нем заботиться и опекать. Он подумал о том, что и вправду почувствует себя одиноко, если Сергей от него отвернется.

Глава 3

Настя, поджав ноги, сидела на маленьком диване в гостиной. В руках она держала урну с прахом своего Самсона. Перекатывала ее медленно в ладонях. Она смотрела сквозь дочь, которая играла на полу. Кукла, домики, кубики с буквами. Кукла училась прилежно, за что получала конфеты и похвалу.

— Когда придет твой папа, — говорила Нежа с куклой тоненьким голоском, — я обязательно расскажу ему, какая ты умница. Он будет тобой гордиться. Мы тебя с папой очень любим.

Настя улыбнулась, слушая девочку. Посмотрела на предмет в руках. Женщина поймала себя на мысли, что хотела его согреть, но он оставался холодным. Вдоль сосуда конической формы была наклеена белая полоса с надписью: «Опломбировано. Не вскрывать. При попытке вскрытия остается след», дата кремации, какие-то цифры и буквы. Насте казалось, что она прочитала эту надпись тысячу раз.

— Мамочка, а когда снова придет папа? Мама? — Девочка повернулась к Насте.

Та посмотрела на дочь, вытянула губы, словно в поцелуе, потом бегло перевела взгляд на урну и снова вернулась к дочери. Прищурила глаза,

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

чтобы не заплакать и попыталась улыбнуться. Но губы просто сжались, превратившись в тонкую полосу. Потом женщина едва заметно кивнула, напругши шею, и выдавила:

— Скоро.

Раздался звонок. Девочка повернулась в сторону выхода из комнаты, затем вопросительно посмотрела на мать.

— Я открою, — быстро сказала Настя и, положив урну на диван, пошла в сторону коридора.

В домофоне, который отвечал за камеру перед входной дверью, была фигура Ивана. Он стоял с бумажным пакетом в одной руке. Вопросительно вскинув голову в объектив видеоприбора, второй рукой он указывал на пакет.

Настя открыла дверь. Иван торопливо вошел, сунул пакет в руки женщине, присел на топчан при входе и, снимая туфли, сказал:

— Тебе нужно отдохнуть. Поесть, выпить и поспать. А я посижу с Нежей. Ты ведь отправила няню?

Женщина привыкла к тому, что Иван уже давно стал членом их семьи. Бывало, он жил с ними по три-четыре дня, когда они с Самсоном планировали новые встречи, выезды, разрабатывали стратегию развития их странного бизнеса. Благо семь комнат позволяли всем чувствовать себя удобно. Иван часто писал речи для ее мужа. Они репетировали, обдумывали каждое слово и действие. За ужином все вместе подолгу болтали. О работе не говорили. За столом всегда присутствовала Нежа, а ей не нужно было знать всех странностей.

Настя взяла пакет и ушла на кухню. Она достала из него бутылку красного вина и поставила ее на стол. Вспомнила, что Самсон, хотя изображал из себя знатока, совсем не разбирался в вине. Мог хлестать его залпом из стакана. А стаканы менять один за другим. Чтобы слегка опьянеть, ему нужно было выпить бутылки три кряду. После выпитой порции он всегда вытирал широкой ладонью рот, кряхтел и нахваливал вино, если бутылку покупал он сам. Если приносил Иван или кто-либо из нередких гостей, рассказывал, что в вине чего-то не хватало. Не важно чего — тонов прелой листвы или аромата сухой лозы. Правда, это не мешало ему продолжать накидываться «галлизированным», как он любил говорить, вином и, пьянея, рассказывать истории из своей жизни, которых у Самсона имелось множество и которые Настя знала все наизусть до такой степени, что ей казалось, будто она была очевидцем описываемых событий.

Еще в пакете оказался свежий белый хлеб, корбочка с маслом и красная икра. Настя терпеть не могла ни рыбу, ни ее икру. Она покрывалась пятнами и чесалась, когда съедала хоть что-нибудь из морепродуктов. Ей казалось, что Иван должен об этом знать.

Самсон знал. Когда они чудом добрались из Панама в Израиль, ее тогда еще будущий муж решил показать, как он ценит то, что она для него сделала, и повел в ресторан. Дорогой и, за неимением лучшего, кошерный. В общем, разрешенная кашрутом красная икра и вино с лучших виноградников, из лучших сортов и, как водится, созданное лучшими

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

виноделами, в сочетании с яйцами кошерной рыбы вызвали у Насти анафилактический шок. Хотя до этого дня ничего не предвещало подобных осложнений от съеденного.

Дальше был госпиталь, палата интенсивной терапии, вливания, эпинефрин. И Самсон, продежуривший у ее кровати всю ночь, целовавший ей ладони и гладивший волосы. Девушку выписали утром, но ее физиономия оставалась шире плеч еще дней семь. Самсон чувствовал себя виноватым, а Настя не знала, куда спрятать зеркала, которыми был увешан их съемный дом. Она не могла видеть свое уродливое отражение и думала, что останется с таким лицом на всю жизнь.

— Сейчас. — Женщина достала штопор. Вспомнив своего мужа, взяла с полки огромный фужер. Налила его до краев и залпом выпила. Преломила хлеб, стала медленно жевать, чувствуя, как тепло растекается в верхней части живота под ребрами.

— Нежа! Что ты наделала?! — услышала женщина крик Ивана.

Настя слегка опешила. Встряхнула головой, отгоняя накатывающее опьянение, и шаткой походкой направилась в гостиную, откуда уже доносился испуганный плач ее дочери.

Картина, которая перед ней открылась, была на первый взгляд ужасна, а на второй, третий и последующие — комична, как суть всей жизни.

Иван стоял на коленях напротив Нежи и влажными салфетками вытирал ей руки. Нежа, испуганная и не понимающая происходящего, замерла, натужно выпрямившись, и с ужасом смотрела то на

мужчину, то на проход, из которого должна была появиться ее мать. Рядом на полу валялась кукла, безучастно вперившаяся своими голубыми глазами в потолок. Ее лицо было измазано чем-то черным. И тут же на паркете стояла открытая урна с прахом Самсона, из которой торчала длинная игрушечная пластмассовая ложка синего цвета.

Когда Настя поняла, что произошло, она закрыла лицо ладонями и засмеялась. Сначала тихо, потом все громче, затем во весь голос. Она села на пол, откинулась спиной на стену и хохотала словно сумасшедшая. От смеха слезы текли из ее глаз ручьями. Нежа и Иван замерли, глядя на женщину. А та хохотала и не могла остановиться. Нежа сначала напряглась пуще прежнего, затем затрясла головой и втянула ее в плечи. Иван подскочил к Насте, схватил ее за руки, стал трясти и успокаивать, бормоча какие-то слова. Та отмахнулась от него. Смеясь, она жестом подозвала дочь. Когда та подошла ближе, женщина подавила в себе хохот. Усадила дочь на колени, обняла, а потом не выдержала, прыснула и снова рассмеялась. Алкоголь растормаживал.

— Мама, мамочка, что с тобой? — снова насто-рожилась Нежа.

Но, получив порцию объятий, тоже захихикала. Иван выдохнул. Сидя на пятках, он напряженно улыбался, смотрел на мать и дочь, которые обнимались, успокаивались ненадолго, потом снова заходились в смехе. Постепенно обе притихли. Настя, прижавшись спиной к стене, закрыла глаза и уснула. Уснула и Нежа в материнских объятиях.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

Иван встал и прошел в кабинет своего босса, в котором они часто проводили ночи за стаканчиком виски и разговорами.

Самсон сам был крупным человеком и любил все большое. Большие автомобили, значительные суммы денег, весомые слова, широкие жесты. Мебель он тоже любил массивную. В середине кабинета стоял громоздкий стол на широких ножках в виде львиных лап. Тяжелые кресла с закругленными подлокотниками для посетителей. Увесистые подсвечники на каминной полке. В углу, словно глыба, стоял объемный сейф темно-зеленого цвета, такого же, как сукно на столе и кожа на креслах.

Именно к сейфу были прикованы глаза Ивана, когда он закрыл за собой дверь. Он стремительно подошел к несгораемому предмету и заученными движениями стал вращать лимб замка. После набора знакомой комбинации цифр он попытался повернуть массивную ручку, но сейф не ответил гулкой взаимностью открывающегося засова.

Слегка смутившись, мужчина повторил действия, но результат был прежним. Иван задумался. Потер виски, словно пытаясь разбудить память. Потом в непонимании поворачивал ладонями, будто разговаривал сам с собой. Медленно пятясь, столкнулся с креслом, потрогал его рукой и присел. Посмотрел по сторонам, сообразил, что сидит в кресле Самсона, резко поднялся. Задумчиво обошел стол и завалился в кресло для гостей, что стояло с другой стороны.

Уставившись на сейф, Иван стал большим и указательным пальцами ритмично зажимать ноздри

и раздувать щеки. Такая его привычка всегда веселила Самсона и все близкое окружение. «Ваня решает проблемы вселенского масштаба», — говорил босс в таких случаях и прикладывал указательный палец к губам, призывая окружающих создать тишину. Соблюдать тишину в таких случаях не получалось, потому что присутствующие дружно заходились смехом.

— Что-то не так? — раздался голос Насти за его спиной.

Иван медленно повернул голову.

— Ты давно здесь? — спросил он, глядя на жену своего бывшего партнера, в глазах которой читалось подозрение.

— Достаточно, чтобы увидеть то, как ты пытаешься залезть в сейф моего мужа.

— Угу, — понимающе кивнул Иван.

На полминуты в комнате установилось молчание. Ритмичный пульс часов стал единственным звуком, который звучал все ярче и отчетливей.

— В сейфе твоего мужа все документы на компанию. Устав. Если ты помнишь, у нас общество с ограниченной ответственностью, а наша деятельность — оказание консультативных услуг. Я являюсь одним из соучредителей, и у меня есть код доступа к сейфу. Точнее, он всегда был. Это наше общее с Самсоном решение. Теперь я не могу открыть сейф. Я всегда пользовался комбинацией, и она работала.

Иван вопросительно смотрел на женщину. Та стояла не шевелясь.

— Теперь, видимо, не работает, — медленно произнесла она.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

— Почему? — спросил Иван шепотом.

— Не знаю, — тоже шепотом ответила Настя. — У меня не было доступа. С этим делом я помочь не смогу. А зачем тебе?

— Как зачем? — в недоумении тихо спросил Иван. — Там документы о наименовании, о составе и компетенции, о порядке перехода долей и еще куча всего.

Не отрывая от Ивана глаз, Настя подошла к столу. Приподнялась на цыпочках и присела на его край.

— Тебя ведь больше интересует информация о порядке перехода долей, а не вся остальная куча, правда? — продолжала медленно и разборчиво шептать Настя.

Иван сделал вид, что не понял сути вопроса.

— И это тоже. Безусловно. — Он осмотрелся, как будто что-то искал в комнате. — Ты же понимаешь, Самсон обладал большинством голосов. Он мог провести собрание соучредителей единолично, внося в протокол неявку остальных, то есть и меня, по каким-либо причинам. И большинством же голосов внести изменения. Формально поставив меня и других в известность. Меня это прежде не беспокоило. Я всегда ему доверял. Но теперь его нет.

— Угу, — понимающе кивнула Настя. — Ты испугался после нашего с тобой разговора в машине. Правда? Думаешь, что теперь Измаил получит его долю. А тебя вообще могут оставить не при делах. Так?

Иван тоже смотрел на Настю — прямо, не отводя глаз, словно пытался понять, враг она теперь ему или союзник.

— Так, — медленно кивнул он в ответ, наблюдая за реакцией женщины.

Она наклонилась к нему. Кончиком носа, почти касаясь его лица.

— Я не знаю код от сейфа, — прошептала Настя. — А теперь, пожалуйста, иди домой. Оставь нас с дочерью. Мне нужно подумать над тем, что ты рассказал. Хорошо?

Иван слегка отстранился, чтобы сфокусироваться на ее взгляде.

— Хорошо, — ответил он. — Я зайду завтра.

— Предварительно позвони.

Он кивнул, встал с кресла и твердым шагом прошел к двери. Настя выпрямилась, сидя на столе. Проводив его взглядом, она долго смотрела на тяжелую дверь в кабинет, пока не услышала, как захлопнулась дверь в квартиру. Потом подошла к сейфу и набрала нужную комбинацию цифр. Повернула ручку, дверь бесшумно открылась. Она достала с верхней полки ноутбук, установила его на стол, подключилась к сети и нажала на кнопку. Пока загружалась операционная система, женщина открыла в сейфе небольшой отсек и достала оттуда толстую записную книжку.

Самсон всегда записывал все важные сведения от руки на бумажные носители информации. Он не доверял технике, считал, что ее всегда можно взломать. Записи на бумаге тоже могли сгореть или их мог пожрать всесильный измельчитель типа шредера. Но то ли недоверие к окружению, то ли вера в собственную правоту стойко поддерживали убеждение Самсона записывать нужную ему информацию на бумаге.

БЕЛАЯ ПЫЛЬ

Записи были лаконичны. Инициалы. Цифры. Отдельные слова. Вечерами, лежа в постели, Самсон часто рассказывал Насте о том, что означают те или иные символы в его записях. Он просил запомнить и повторить. Иногда раздражался, когда его супруга забывала какие-то важные вещи. Требовал учить наизусть, никогда не записывать, только заучивать на слух. Он предупреждал, что их бизнес далеко не такой, каким выглядит со стороны. И если что-то произойдет с ним, с Самсоном, Насте нужно будет многое узнать самостоятельно из его записной книжки. А рассказывать всю суть при жизни он не хотел. Говорил, что не время.

Она вошла в папку «Барбариска», что была в папке «Документы». Пролистав древо и наткнувшись на это название, она незамедлительно кликнула именно его. Потому что, когда муж любил ее ночами, а потом, запыхавшиеся, они валились на кровать, отпустив друг друга, и Настя укладывала голову на его широкое плечо, Самсон называл ее своей конфеткой и рассказывал, как он в детстве любил барбариски. «Мама всегда покупала их в день зарплаты, — говорил он. — Они были волшебным кисло-сладкими и таяли во рту. Как ты». Он говорил это часто.

Нажимая на правую кнопку компьютерной мышки, она улыбалась своим воспоминаниям.

Папка была пустой. Но Настя знала, что такого быть не может. Она вошла в настройки и включила опцию «отображение скрытых файлов и папок». Теперь в папке «барбариска» появился видеофайл. Настя открыла его, и на экране возникло

лицо Самсона. Он улыбнулся ей, прищурившись, как делал только тогда, когда они были наедине, и заговорил:

— Настюша, если ты сейчас смотришь это видео, значит, то, чему я тебя учил, пора применять на практике.

Настя смотрела на него. Улыбалась. И чувствовала его присутствие. Мягкий тембр его голоса. Его запах. На своих плечах его нежно обнимающие руки, которые не позволяли даже предположить, что она может остаться без поддержки.

— Я не буду долго рассказывать, как тебя люблю. Тебя и нашу Нежу, — продолжал говорить он с экрана. — Вы — моя жизнь. Знаю — ты знаешь. — Мужчина улыбался сквозь бороду. — Глядя на нас с тобой, я вспоминаю пчел. Они живут семьей, как и мы. Носят нектар в соты. В маленькие ячейки из воска. — При этих словах Самсон, прищурив левый глаз, показал большой и указательный пальцы правой руки, почти касавшиеся друг друга. — Чтобы потом в этих ячейках образовался мед. А потом этот мед ели молодые пчелы, которые появятся в улье. В семье. Тем более если вдруг зима и станет невозможно вылетать за пределы деревянного дома. Я бы хотел, чтобы у нас с тобой была одна ячейка на двоих. Ты бы знала, как ею распорядиться, если со мной что-то произойдет. Мы бы тогда обязательно пережили любую злую зиму — ты, Нежа и я. Особенно ты и Нежа. Обожаю тебя. Ты самая лучшая женщина на свете.

Самсон замолчал, еще раз улыбнулся, и видео закончилось.